

OL'GA SEDAKOVA

Vladimir Favorskij, *La Vita Nova*, xilografia, 1934.

Ol'ga Sedakova (Mosca, 1949), erede della grande tradizione poetica russa del XX secolo, è una delle voci più importanti e originali dell'odierno panorama poetico russo. Autrice di numerosi libri poetici (i primi in epoca sovietica apparsi all'estero), nonché di una raccolta in due volumi di versi e prose, è vincitrice di numerosi premi letterari in patria e all'estero (tra questi il Premio Andrei Belyj, 1983, Il Premio Europeo di Poesia, Roma, 1995 e il Premio Solženicyn, 2003). È anche traduttrice di poesia (Rilke, Celan, Claudel, Eliot, San Francesco, Dante, Petrarca, ecc.) e fine studiosa della tradizione linguistica e culturale slava antica.

DANTE ALIGHIERI

Заключительный сонет из «НОВОЙ ЖИЗНИ»

Над широчайшей сферою творенья
выйдя из сердца, вздох проходит мой:
это Любовь, рыдая, разум иной
в него вложила в новом устремленье.

Воздух-паломник! вот где тяготенье
разрешено: и перед Госпожой
в славе стязанной, в милости живой,
в свете безмерном он теряет зренье.

И возвратившись, речью покровенной
слабо и смутно ведет повествовань,
скорбной душой неволимый моей.

Но по тому, как часто о Блаженной
он поминал, я разгадал посланье:
донны мои! так я узнал о Ней.

Ольга Сedaкова

DANTE ALIGHIERI

Oltre la spera che più larga gira

Oltre la spera che più larga gira
passa 'l sospiro ch' esce del mio core:
intelligenza nova, che l' Amore
piangendo mette in lui, pur su lo tira.

Quand'elli è giunto là dove disira,
vede una donna, che riceve onore,
e luce sì, che per lo suo splendore
lo peregrino spirito la mira.

Vedela tal, che quando 'l mi ridice,
io no lo intendo, sì parla sottile
al cor dolente che lo fa parlare.

So io che parla di quella gentile,
però che spesso ricorda Beatrice,
sì ch'io lo 'ntendo ben, donne mie care.

(Vita Nuova, XLI)

OL'GA SEDAKOVA

Финал «СТАРЫХ ПЕСЕН»

Помни, говорю я, помни.
Помни, говорю и плачу:
Всё покинет, все переменится
И сама надежда убивает.

Океан не впадает в реку.
Река не возвращается к истокам.
Время никого не пощадило.

Но я люблю тебя, как будто
Всё это было и бывает.

КИТАЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

17

Когда мы решаемся ступить,
 не зная, что нас ждет,
на вдохновенья пустой корабль,
 на плохо связанный плот,
на чешуйчатое крыло, на лодку без гребцов,
воображая и самый лучший,
 и худший из концов
и ничего не ища внутри:
 там всему взамен
выбрасывают гадальные кости на Книгу перемен.
Кто выдумал пустыню воды? кто открыл,
 что вверху война?
кто велел выращивать сады
 из огненного зерна?
Как соловей – лучше умрет,
 чем не споет, что поет,
чем не напишет на шелке времен,
 что не может целый народ.
Когда ты свищешь в свой свисток,
 вдохновенье, когда
между сушей и нашей душой растёт
 твоя вода, –
если бы знал он, смертный вихрь,
 и ты, пустая гладь,
как я хочу прощенья просить и ноги целовать.

Appendice ai «Vecchi Canti»

Dedica

– Tu ricorda, ti parlo, ricorda
Tu ricorda che piango e ti parlo:
ogni cosa ci fugge e si muta
e la stessa speranza assassina.

Non v'ha oceano che torni nel fiume,
né fiumane che salgano al fonte,
né a chi il tempo sia misericorde –

ma ti amo, ti amo ed è come
tutto questo sia stato e che sia.

da *Viaggio in Cina*

Quando ci risolveremo a partire,
 senza sapere, quel che ci attende,
sulla nave delle muse deserta
 sulla mal saldata zattera
sull'ala squamosa, la barca senza remi
fingendo nel pensiero la migliore
 e la fine peggiore
e senza nulla cercare di dentro?:
 là in cambio di tutto
gettano gli áuguri gli ossi sul Libro dei mutamenti.
Chi ha predisposto il deserto d'acqua? Chi rivelato
 che in alto c'è guerra?
Chi ha ordinato di crescere giardini
 dal grano bruciato?
Come l'usignolo – meglio morire,
 che non cantare il canto che canta
che non scrivere sulla seta dei tempi
 quel che un popolo intero non scriverebbe.
Quando modulerai l'aria sul tuo fischiotto,
 mia musa, quando
tra terraferma e l'anima nostra sgorgherà
 la tua acqua? –
s'egli solo sapesse, gorgo letale,
 e tu, deserta bonaccia,
come vorrei chiedere perdono e i piedi baciargli.

(Traduzione di Adalberto Mainardi)

АНГЕЛ РЕЙМСА

Франсуа Федье

Ты готов? —
 улыбается этот ангел —
 я спрашиваю, хотя знаю,
 что ты несомненно готов:
 ведь я говорю не кому-нибудь,
 а тебе,
 человеку, чье сердце не переживет измены
 земному твоему Королю,
 которого здесь всенародно венчали,
 и другому Владыке,
 Царю Небес, нашему Агнцу,
 умирающему в надежде,
 что ты меня снова услышишь;
 снова и снова,
 как каждый вечер
 имя мое вызыванивают колоколами
 здесь, в земле превосходной пшеницы
 и светлого винограда,
 и колос и гроздь
 вбирают мой звук —
 но все-таки,
 в этом розовом искрошенном камне,
 поднимая руку,
 отбитую на мировой войне,
 все-таки позволь мне напомнить:
 ты готов?
 к морю, гладу, трусу, пожару,
 нашествию иноплеменных, движимому на ны гневу?
 Все это, несомненно, важно, но я не об этом.
 Нет, я не об этом обязан напомнить.
 Не за этим меня посылали.
 Я говорю:
 ты
 готов
 к невероятному счастью?
 В метро. Москва.
 Вот они, в нишах,
 бухие, кривые,
 в разнообразных чирьях, фингалах, гематомах
 (— ничего, уже не больно!):
 кто на корточках,
 кто верхом на урне,
 кто возлежит опершись, как грек на луврской вазе.
 Надеются, что невидимы,
 что обойдется.
 Ну,
 Братья товарищи!
 Как отпраздновали?
 Удалось?
 Нам тоже.
 20 декабря 2004г.

L'ANGELO DI REIMS

A François Fedier

Sei pronto? —
 l'angelo sorride
 lo chiedo, anche se sa
 che certo tu sei pronto:
 non parlo a chissà chi,
 ma a te,
 uomo il cui cuore non sa cosa sia il tradimento
 verso il tuo Sovrano terreno,
 che qui coram populo fu incoronato,
 e verso un altro Signore,
 il Re dei cieli, il nostro Agnello,
 che muore nella speranza
 che tu di nuovo mi oda:
 e ogni giorno di nuovo,
 e ogni sera
 il mio nome rintocca nello scampanio
 qui, in terra di superbo frumento
 e uva luminosa,
 e la spiga e il grappolo
 assorbono il mio suono —

ma tuttavia
 in questa rosea pietra sgretolata,
 levando il braccio
 scheggiato dalla guerra mondiale,
 consentimi tuttavia ricordarti:
 sei pronto?
 Alla peste, alla fame, al terremoto, al fuoco,

All'incursione dei nemici, all'ira che si abbatte su di noi?
 Certo, è tutto importante, ma non è di questo che voglio
 parlarti.
 Non è questo che ho il dovere di rammentarti.
 Non per questo sono stato inviato.
 Io ti dico:
 tu
 sei pronto
 a una felicità incredibile?

(Traduzione di Giovanna Parravicini)